

Михаил Булгаков
Бег
(Восемь снов)
Пьеса в четырех действиях

*Бессмертье – тихий, светлый брег; Наш путь – к нему
стремленье.*

Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Серафима Владимировна Корзухина, молодая петербургская дама.
Сергей Павлович Голубков, сын профессора-идеалиста из Петербурга.
Африкан, архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого
воинства, он же – химик Махров.
Паисий, монах.
Дряхлый игумен.
Баев, командир полка в конармии Буденного.
Буденовец.
Григорий Лукьянович Чарнота, запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-
майор в армии белых.
Барабанчикова, дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.
Люська, походная жена генерала Чарноты.
Крапилин, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.
Де Бризар, командир гусарского полка у белых.
Роман Валерьянович Хлудов.
Голован, есаул, адъютант Хлудова.
Комендант станции.
Начальник станции.
Николаевна, жена начальника станции.
Олька, дочь начальника станции, 4-х лет.
Парамон Ильич Корзухин, муж Серафимы.
Тихий, начальник контрразведки.
Скунский, служащие в контрразведке.
Гурин, белый главнокомандующий.
Личико в кассе.
Артур Артурович, тараканий царь.
Фигура в котелке и интендантских погонах.
Турчанка, любящая мать.
Проститутка-красавица.
Грек-донжуан.
Антуан Грищенко, лакей Корзухина.
Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки белого главнокомандующего,
контрразведчики, казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие
и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в
окнах, толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года.

Сон второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в которой продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном – безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть. В высоком игуменском кресле сидит Серафима, в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданом, Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Голубков (прислушиваясь к пению). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово!

Вот уж месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по всям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом... видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась моя зеленая лампа в кабинете...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор, как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно, давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив руку.) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар!

Серафима. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, мадам, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Голубков. Я сбегаяю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова (капризно). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров (тихо, Голубкову). Загадочная, и весьма загадочная особа!

Голубков (шепотом). Вы думаете, что...

Махров. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

Паисий (появляется бесшумно, черен, испуган). Документики, документики приготовьте, господа честные! (Задувает все свечи, кроме одной)

Серафима, Голубков и Махров достают документы Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Баев входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым – буденовец с фонарем.

Баев. А, чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь...

Баев (буденовцу). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы? Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?!

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (Указывает на Барабанчикову.) Вот женщина, у нее роды начинаются...

Баев (подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает). Барабанчикова, замужняя...

Паисий (сатанея от ужаса, шепчет). Господи, господа, только это пронеси! (Готов убежать.) Святой славный великомученик Димитрий...

Баев. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Нашли время, место рожать! (К Махрову.) Документ!

Махров. Вот документик! Я – химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики!

Буденовец (появляется внезапно). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (Шепчет на ухо Баеву.)

Баев. Да ты что! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну, ладно, ладно, пошли. (Голубкову, который протягивает свой документ.) Некогда, некогда, после. (Паисию.) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну, ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (Уходит вместе с буденовцем.)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Голубков (шепотом, Серафиме). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! (Серафиме.) Пардон, мадам.

Голубков (машинально). Ну?

Барабанчикова. Ну что ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он,

язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Малый в червах объявил.

Махров (тихо). Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты?..

Барабанчикова. Вон какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определенно, в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?!

Барабанчикова. Ну, ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи, все, кроме одной, смотрит в окно

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще господь послал и будем ли мы живы к ночи! (Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова (садится, кутаясь в попону). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (Голубкову.) Какие штаны на них?

Голубков. Красные!.. а вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Барабанчикова. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое? Не может быть! Его голос! (Голубкову.) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонями. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.) Здравствуйтесь, гусары! Здравствуйтесь, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Люська, в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой де Бризар и вестовой Крапилин с факелом.

Люська. Гриша! Гри-Гри! (Бросается на шею Чарноты.) Не верю глазам! Живой? Спасся? (Кричит в окно.) Гусары, слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Ведь мы по тебе панихиды собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и – на тебе – пулеметы! Буденный – на тебе – с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины, – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоною! Ну, приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Де Бризар. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! (Махрову.) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо.

По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий (влетает). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(Всматривается в лицо Махрову.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить Донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документиками.

Де Бризар. Черт знает что такое! (Серафиме.) Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Де Бризар. Миль экскюз, мадам!¹ А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Де Бризар. Очень приятно! Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый игумен, а за ним хор монахов со свечами.

Игумен (Африкану). Ваше высокопреосвященство! (Монахам.) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облачают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко! Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (внезапно запели). Исполла эти деспота!..²

В дверях вырастает Чарнота, с ним Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены обьелись, что ли? Вы не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (Показывает жестом – «уходите».)

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота (Африкану). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловит нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

¹ Mille excuses, madame! – Тысяча извинений, мадам! (фр.)

² Многая лета, владыка!(греч.)

Африкан. Всеблагий господи, что же это? (Схватывает свой тулуп.) Двухолки с вами-то есть? (Исчезает.)

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! (Смотрит на карту.) Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Чарнота. Стой! Щель нашел! (Де Бризару.) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи.

Де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Голубков (Чарноте). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Конечно, да...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет! Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется...

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима (глухо). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это невыносимо! Серафима Владимировна, подымитесь!

Серафима. Я хочу пить... и в Петербург...

Голубков. Что же это такое?..

Люська (победоносно). Это тиф, вот что это такое.

Де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать...

Де Бризар (глянув на браслет-часы). Пора! (Выбегает.) Послышалась его команда: «Садись!», потом топот.

Люська. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

Крапилин. Слушаюсь!

Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.

Люська. В двухолку ее!

Уходят.

Чарнота (один, допивает коньяк, смотрит на часы). Пора!

Игумен (вырастает из люка). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (Исчезает.)

Послышалась его крик: «Садись! Садись!», потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный! Покинувший овцы своя! (Кричит глухо в подземелье.) Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» Тьма съедает монастырь.

Сон первый кончается.

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами. Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огневые отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отдѣленіе оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них – в башилыках и наушниках.

Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, съездившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер; кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации.

Задаёт самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович. Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов (диктует Головану), «...запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

Голован (передает написанное кому-то). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон). Да, слушаю... слушаю... Буденный?.. Буденный?..

Второй штабной (стонет в телефон). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (стонет в телефон). Нет, на Карпову балку...

Голован (осветившись сигналом, подает Хлудову трубку). Ваше превосходительство...

Хлудов (в трубку). Да. Да. Да. Нет. Да. (Возвращает трубку Головану.) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!»

Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (мертвым голосом). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант (бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может! (Звонит.)

На стене вспыхивает надпись «Отделение контр-разведывательное» На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

(Обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов (яростно). Печка с угаром, что ли?!

Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает комендант, а за ним – начальник станции.

Хлудов (начальнику станции). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (говорит и движется, но уже сутки человек мертвый). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы – возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (Кому-то в сторону.) Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (начальнику станции). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (говорит вздор). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, верьте богу! И лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянке, не сочувствую... у меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет! Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (Укоризненно, Тихому) Меня не любят. (Сухо.) Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать. А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним надпись: «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Начальник станции (вяло). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет начальника станции под руку и уводит. За ним комендант.

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции (за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон). Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна (появилась возле начальника станции). Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Николаевна. Ольку? Ольку? (Исчезает.)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (Указывает куда-то вдаль.) Что же это вы делаете? (Внезапно снимает папаху.) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Хлудов. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. (Отходит.)

Люська. Куда?

Чарнота (тускло). На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную!

Чарнота (тускло). Можешь погибнуть.

Люська. Ну, и слава богу! (Уходит с Чарнотой.)

Послышалось лязгание, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции (в телефон). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.)

За ним – Тихий и комендант.

Хлудов (начальнику станции). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (Достает из кармана карамель.) Девочка, на. Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Начальник станции. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)

Опять послышался вальс и стал удаляться.

Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку.

Голован передает карточку Хлудову.

Хлудов. Я слушаю.

Корзухин (Хлудову). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя.

Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда, в ставку.

Хлудов. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Голован. Прошу за мной.

При общем напряженном внимании, ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь. Корзухин вздрагивает.

Возвращается с Голованом к Хлудову.

Хлудов. Исчерпан первый вопрос. Слушаю второй.

Корзухин (волнуясь). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь, на станции, застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Хлудов (мягко). А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Хлудов (улыбнувшись). Ах, пушной экспортный! А в каких составах груз?

Корзухин (подает бумагу). Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(Мягко). Покороче, третий вопрос?

Корзухин (столбенея). Положение на фронте?..

Хлудов (зевнув). Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. (Меня интонацию, шипит.) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

Корзухин. Неслыханно! (Травленно озирается.) Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

Хлудов (вежливо). Пожалуйста.

Корзухин (пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает). Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Начальник станции (мертвея, предстает перед Хлудовым). С Кермана-Кемальчи особое назначение!

Хлудов. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходил Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними белый главнокомандующий в заломленной на затылок папахе, длиннейшей шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.

Главнокомандующий. Здравствуйте, господа!

Штабные. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

Главнокомандующий. Да. Всем оставить помещение. (Африкану.) Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

Африкан. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с главнокомандующим

Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Главнокомандующий. Конец?!

Хлудов. Конец.

Молчание.

Главнокомандующий (в дверь). Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!

Африкан (понял, что наступила беда). Ай-яй-яй!

Главнокомандующий. Помолитесь, владыко святой!

Африкан (перед Георгием Победоносцем). Всемогущий господь! За что? За что новое испытание посылаешь чадам своим, Христовому именованному воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием...

В стеклянной перегородке показалось лицо начальника станции, тоскующего от страха.

Хлудов. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите господа бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики как по паркету прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Что вы, доблестный генерал?!

Главнокомандующий. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов. Ах, вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, босые ваши солдаты на Перекопе без блиндажей, без козырьков, без бетону вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше превосходительство?

Главнокомандующий (темнея). Что это такое?

Африкан. Господи, возри на них, просвети и укрепи! Аще царство разделится, вскоре раззорится!..

Главнокомандующий. Впрочем, сейчас не время...

Хлудов. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Главнокомандующий. Да. (Вынимает конверт, подает его Хлудову.) Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпускаешь раба твоего, владыко... Слушаю. (Кричит.) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Начальник станции (за перегородкой бросается к телефону.) Керман-Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются конвойные казаки и все штабные.

Главнокомандующий. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! Да ниспошлет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетие! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распахивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт главнокомандующему.

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество! (Ставке, таинственно.) Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову...

Главнокомандующий. Что это?

Голован. Командир гусарского полка, граф де Бризар, контужен в голову.

Хлудов (как во сне). Чонгар... Чонгар...

Главнокомандующий. В мой поезд со мною, в Севастополь! (Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.)

Африкан. Господи! Господи! (Благословляет ставку, быстро выходит.)

Де Бризар (увлекаемый штабными). Виноват!.. Графиня, ценой одного рандеву...

Штабные. В Севастополь, граф, в Севастополь...

Де Бризар. Виноват!.. Виноват!.. (Исчезает.)

Хлудов (вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ – от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест: «Аминь, аминь» Потом могильная тишина.

Другого – к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову – с кубанцами в Феодосию. Калинину – с донцами в Керчь. Чарноту – в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Голован (поспешно выходя). Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За нею – Голубков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.

Голубков. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (Удивленным штабным.) Тифозная женщина!..

Крапилин. Так точно, тифозная.

Серафима (звонко). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Хлудов. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов – это я.

Голубков. Не слушайте ее, она больна!

Серафима. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! (Улыбается.) Вот и удостоилась лицемерить: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

Голубков (отчаянно). У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.

Серафима. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох «А-а, коммунистка!»

Голубков. Что вы? Что вы? Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас отдавая отчет говорят, ни слова правды не добьешься.

Голубков. Она – Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это – пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена – коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий делает знак Гурину, и тот исчезает.

Тихий (мягко, Серафиме). Как ваше имя-отчество?

Голубков. Серафима Владимировна... Серафима...

Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду.

Вы – Парамон Ильич Корзухин?

Корзухин. Да, это я.

Голубков. Слава богу, вы выехали нам навстречу! Наконец-то!..

Тихий (ласково, Корзухину). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

Корзухин (посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

Серафима (поглядев на Корзухина, мутно). А-а, отрекся! У, гадина!

Корзухин. Это шантаж!

Голубков (отчаянно). Парамон Ильич, что вы делаете! Этого не может быть!

Хлудов. Искренний человек? А? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

Голубков. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Хлудов (Тихому). Взять обоих, допросить.

Тихий (Гурину). Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку.

Голубков. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

Серафима. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступишься?..

Серафиму и Голубкова уводят.

Крапилин (став перед Хлудовым). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека – цап и в мешок! Стервятиной питаешься?

Тихий. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Хлудов. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Тихий (манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом). Доску.

Появляется третий контрразведчик с куском фанеры.

Хлудов. Как твоя фамилия, солдат?

Крапилин (заносясь в гибельные выси). Да что фамилия? Фамилия у меня неизвестная – Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! (Улыбаясь.) Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбр ты только женщин вешать да слесарей!

Хлудов. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

Крапилин. Все губернии плюют на твою музыку! (Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

Хлудов. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесьте его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон.

Голован (появляясь). Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчики вылетели.

Хлудов. Всем в поезд, господа! Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собою путь и уходит в Севастополь! (Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.)

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Вестовой Крапилин – большевик». Под следующей мачтой – другой мешок, дальше ничего не видно. Хлудов один в полутьме смотрит на повешенного

Крапилина.

Я болен, я болен. Только не знаю, чем.

Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

Начальник станции (в полутьме ищет и сонно бормочет). Дура, дура Николаевна... Олька, Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? (Схватывает Ольку на руки.) Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... (Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры.

Тихий сидит за письменным столом в штатском платье.

Дверь открывается, и Гурин впускает Голубкова.

Гурин. Сюда... (Скрывается.)

Тихий. Садитесь, пожалуйста.

Голубков (он в пальто, в руках шляпа). Благодарю вас. (Садится.)

Тихий. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Голубков. Я, видите ли...

Тихий. Вы меня боитесь?

Голубков. Да.

Тихий. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать.

Тихий. Курите, пожалуйста. (Предлагает папиросы.)

Голубков. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с нею?

Тихий. Кто вас интересуется?

Голубков. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мною. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Тихий. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам!

Голубков (подымаясь). Боже мой!

Тихий. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен... моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий (вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками). Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь. Ты понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу (включает иглу, которая, нагреваясь от электричества,

начинает светить) и коснусь ею тебя. (Тушит иглу.)

Голубков. Клянусь, что я действительно...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы. (Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Голубков (садясь). Сергей Павлович Голубков.

Тихий (пишет, скучно). Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петрограде.

Тихий. Зачем вы прибыли в расположение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с нею к белым.

Тихий. Зачем же приехала к белым именуемая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Тихий. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Голубков. Клянусь, что он солгал!

Тихий. Зачем же ему лгать?

Голубков. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Голубков. Этого не может быть!

Тихий. Так. (Пододвигает Голубкову лист бумаги, дает ему перо.) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что, если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.) «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков, Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтом 31 октября 1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» Не останавливайтесь! «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе. Приват-доцент... подпись». (Берет лист у Голубкова, тушит иглу.) Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невинности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. (Звонит.)

Гурин (входит). Я!

Тихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Гурин (Голубкову). Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

Тихий. Поручик Скунский!

Скунский входит. Очень мрачен.

(Зажигая на столе лампу.) Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

Скунский. Здесь, у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Тихий. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчаса.

Скунский. Моя доля?

Тихий пальцами показывает – две.

Сейчас pošлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. (*Уходит.*)

Тихий звонит. Гурин входит.

Тихий. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Гурин. Сейчас как будто полегче.

Тихий. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму. Та в жару.

Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпущу.

Серафима. Что?.. А?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним – стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

Тихий. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

Серафима (ложится на диван, тяжело отдувается). Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

Тихий. Нет. Очнитесь, прочтите. (Показывает написанное Голубковым Серафиме.)

Серафима (щурится, читает). Петербург... лампа... он с ума сошел... (Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.) Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Тихий. Гурин!

Гурин вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папашой. Голос: «Что такое у вас?» Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский.

Гурин выпускает Серафиму.

Серафима. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать!

Чарнота берет документ.

Тихий. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Чарнота. Нет, что же – оставить? Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, зовите караул!

Чарнота. Я вам покажу – караул! (Вытаскивает револьвер.) Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(В темноте.) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

...и множество разноплеменных людей вышли с ними...

Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит главнокомандующий.

Главнокомандующий. Ну, как ваша голова?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главнокомандующий. Так. Пирамидон? (Рассеян.) Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар (не удивляясь). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главнокомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий. Величества?.. Гм... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

Де Бризар. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

Де Бризар. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Главнокомандующий. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.) Графиня, ценой одного рандеву... (Скрывается.)

Главнокомандующий (вслед за ним говорит в дверь). Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон – это же не лекарство! Он же явно ненормален! (Возвращается к камину, задумывается.) Александр Македонский... Вот негодяи!

Входит Корзухин.

Вам что?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главнокомандующий. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? (Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись – редактор Корзухин?

(Читает.) «Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...» Что означает эта свиньячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (Читает.) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главнокомандующий выходит, хлопнув дверь.

Корзухин (отдышавшись). Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну, схватили Серафиму Владимировну, ну что ж я могу сделать? Ну, погибнет, ну, царство небесное! Что же, мне из-за нее самому лишиться жизни? Александр Македонский, грубиян! Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! (Устремляется к дверям.)

Африкан (входя). Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

Корзухин. Да, да, да... (Незаметно ускользает.)

Африкан (глядя на ящики). Ай-яй-яй! Господи, господа! И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф, до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Хлудов.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

Хлудов. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

Африкан. Как же, как же...

Хлудов. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...» Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...» Что, хороша память?

А он клеветает, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

Африкан. Торчите! Роман Валерьянович! Я дожидаясь главнокомандующего...

Хлудов. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

Африкан. Чего?

Хлудов. Красных.

Африкан. Может ли быть так скоро?

Хлудов. Все может быть. Мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит... (Подводит Африкана к окну.) Гляньте...

Африкан. Зарево! Господи!

Хлудов. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль.

Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился.

Главнокомандующий (входит). А, слава богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

Хлудов. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Главнокомандующий. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Хлудов. Да в детстве это было. В кухню раз зашел в сумерки, тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми да и погасни. Слышу, они лапками шуршат – шур-шур, мур-мур... И у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола – бух!

Главнокомандующий. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Хлудов. К воде поближе?

Главнокомандующий. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Хлудов. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

Главнокомандующий. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Хлудов. Не скрою, ненавижу.

Главнокомандующий. Зависть? Госка по власти?

Хлудов. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! (Утихая.) Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Главнокомандующий. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Хлудов. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.

Главнокомандующий. Я не держу вас, генерал.

Хлудов. Гоните верною слугу? «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду,

лиях и лиях...»

Главнокомандующий (стукнув стулом). Клоун!

Хлудов. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Главнокомандующий (при словах «Александр Македонский» пришел в ярость). Если вы еще одно слово!.. Если вы...

Конвойный (вырос из-под земли). Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Главнокомандующий. Да? Едем! (Хлудову.) Мы еще увидимся! (Выходит.)

Хлудов (один, садится к камину спиной к двери). Пусто, и очень хорошо. (Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.) Эй, кто тут есть? Нет никого. (Садится.) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (Оборачивается, говорит кому-то.) Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелой я пронзил туман. (Проходит как бы сквозь что-то.) Ну, вот я и раздавил тебя. (Садится, молчит.)

Дверь тихонько открывается, и входит Голубков. Он в пальто, без шляпы.

Голубков. Ради бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Хлудов (не оборачиваясь). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Хлудов (не оборачиваясь). Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а...

Хлудов. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Хлудов. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Поздно. Нету его. (Указывает в окно.)

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. (Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.) Вестибюль? Есаула Голована. Слушай, есаул, возьми с собою конвой и в контрразведку, там за мною записана женщина ... (Голубкову.) Корзухина?

Голубков. Да-да, Серафима Владимировна!

Хлудов (в телефон). Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда, во дворец. (Кладет трубку.) Подождем.

Голубков. Если не расстреляна, вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее расстреляли? Ну, если вы это сделали... (Плачет.)

Хлудов. Ведите себя как мужчина.

Голубков. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу... Если только ее нет в живых, я вас убью!

Хлудов (вяло). Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо и оно тебя стерло и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. (Рукой разрезает воздух.) Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Голубков. Нет, нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил уехать в эти дьявольские лапы... Ах, я жалкий человек!

Хлудов. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Голубков. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой – молчащий вестовой. Что со мною? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Голубков. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Хлудов. Вот чудак! (Бросает Голубкову револьвер.) Сделайте одолжение, стреляйте. (В пространство.) Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Голубков. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

Хлудов. Да что это за комедия, в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Голован.

Расстреляна?

Голован. Никак нет.

Голубков. Жива? Жива? Где же она, где?

Хлудов. Тише. (Головану.) Почему же не доставили вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова.

Говорите при нем.

Голован. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише. (Головану.) Куда?

Голован. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива эта ваша женщина Серафима.

Голубков. Да, да, жива, жива...

Хлудов. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

Голован. Осмелюсь доложить...

Хлудов. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Голован. Слушаю. (Исчез.)

Хлудов. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Голубков (слепо). Да, да, да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Хлудов. О, черт, черт, черт...

Голубков. Хлудов, едем скорее!

Хлудов. Замолчи. (Бормочет.) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (В пространство.) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрылся тьмой и стал вдали.

Голубков (тоскуя). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

Хлудов. Черт... черт... Какая-то Серафима... В Константинополь... Ну, едем, едем. (Быстро выходит.)

Голубков выходит за ним.

Темно. Сон кончается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ПЯТЫЙ

...Янычар сбоят!..

Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Sensation в Константинополе! Тараканьи бега!!! Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation a Constantinople! Courses des cafards. Races of cock-roaches». Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера», «Comptement a 5 heures du soir». Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках.

Надпись: «Русский деликатес – вобла. Порция 50 тиастров». Выше – вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива.

Лаконическая подпись: «Пиво». Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулочек: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом, изредка проводят осликов с корзинами.

Лавчонка с кокосовыми орехами.

Мелькают русские в военной потрепанной форме.

Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар!»³ У выхода с переулочка вниз к сооружению Чарнота в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан!⁴

Турчанка, любящая мать. Бунун фиаты надыр? Комбьен?⁵

³ "Presse du soir" – «Вечерняя газета» (фр.)

⁴ Achetez pour votre enfant! – Купите для вашего ребенка! (фр.)

⁵ Bunun fiyatı nedir? – Сколько это стоит? (тур.) Combien? – Сколько? (фр.)

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам, сенкан!⁶

Турчанка, любящая мать. О, иох! Бу пахалы дыр!⁷ (Проходит.)

Чарнота. Мадам! Каран! А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!..⁸ Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Где-то надрываются продавцы, кричат: «Каймаки, каймаки!», «Амбуляси! Амбуляси!» Струится зной.

В кассе возникает личико. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

Личико. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Чарнота. Что же, я жулик, или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

Личико. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

Артур (появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок). В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас попросить...

Артур. Нет! (Скрывается.)

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

Артур (появляется). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно – что?

Артур. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно – что?

Артур. Кредит – никому! (Скрывается.)

Чарнота. Вот скотина!

В ресторане появляются двое французских моряков, кричат: «Эн бок! Эн бок!»

⁹ *Лакей подает пиво.*

Личико. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

Чарнота. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не перевидал, но такого... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые!

Личико. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так Лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неопикуемый воздух, неопикуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой был под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь – вот это насекомое!

Личико. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь – животное военное, боевое, а клоп – паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь

⁶ Cinquante piastres, madame, cinquante! – Пятьдесят пиастров, мадам, пятьдесят! (фр.)

⁷ О, yok! Bu pahalidir! – Ох, нет! Это дорого! (тур.)

⁸ Quarante!.. – Сорок! (фр.) Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. – Пошла ты!.. Пошла!.. (нем.)

⁹ «Un bock! Un bock!» – «Кружку пива! Кружку пива!» (фр.)

кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! (Тоскует.)

Артур!

Артур (выглядывает во фраке). Чего вы так кричите?

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы – тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

Чарнота. Да тебе-то что? Ведь ты же венгерец!

Артур. Тем не менее.

Чарнота. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. (Показывает на лоток.)

Артур. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийствовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

Артур. Ну, здесь, слава богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри. Серебряные.

Артур. Газыри вместе с ящиком – две лиры пятьдесят.

Чарнота. На, бери! (Отдает ящик и газыри Артуру.)

Артур. Пожалуйста. (Отдает деньги Чарноте.)

В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(Скрылся, потом опять выглянул, кричит.) Пять часов! Мы начинаем!

Пожалуйте, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли захватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

Чарнота. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на Янычара!

К кассе повалила публика. Вламывается группа итальянских военных моряков, за ними – английские матросы, с ними – проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькнул негр.

Марш гремит. В ресторане летает лакей, подает пиво.

Артур, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью.

Марш смолк.

Артур. Мсье, дам! Бега открыты! Не виданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс! Корсо дель пьятелла! Рейс оф кок-рочс!¹⁰

Появляются двое полицейских – итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер – Черная Жемчужина! Номер второй – фаворит Янычар.

Итальянцы-матросы (аплодируют, кричат). Эввива Янычарре!¹¹

Англичане-матросы (свистят, кричат). Эу эй! Эуэй!¹²

¹⁰ Courses de cafards! L'amusement prefere de la defiante Imperatrice russe! (фр.) Corso del piatella! (ит.) Races of cock-roaches! (англ.)

¹¹ Evviva Janicharre! – Да здравствует Янычар! (ит.)

Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в интендантских погонах.

Фигура. Опоздал?! Побежали?

Голос: «Поспеешь!»

Артур. Третий – Баба-Яга! Четвертый – Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

*Крики: «Ура! Не плачь, дитя!», «Ит из э суиндл! Ит из э суиндл!»*¹³

Шестой – Хулиган! Седьмой – Пуговица!

*Крики: «Э трэп!»*¹⁴ *Свист.*

Артур. Ай бег ер пардон!¹⁵ Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! (Проваливается в карусель.)

Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание.

Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.

Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!»

Крик в карусели: «Янычар сбоит!» Гул.

Чарнота (у кассы). Как сбоит? Быть этого не может!!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя!»

Другой голос: «Давай, давай, давай!»

Убить Артуру мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы. Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

Фигура (выбежав из карусели). Жульничество! Артурка пивом опоил Янычара!

Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.

Артур (кричит отчаянно). Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

Итальянцы-матросы (кричат). Лядро! Скрокконе! Труффаторре!¹⁶

Проститутка-красавица. Бей Артура, Джанни! (Артуру.) Инганаторрэ!¹⁷

Матросы-англичане. Нip! Нip! Nurah! Лонг ляйф Пуговитца!¹⁸

Проститутка-красавица. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артуру, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоил?!

¹² Away! Away! – Долой! Долой! (англ.)

¹³ It is a swindle! It is a swindle! – Афера! Афера! (англ.)

¹⁴ A trap! – Ловушка! (англ.)

¹⁵ I beg your pardon! – Прошу прощения! (англ.)

¹⁶ Ladro! Scroccone! Truffatore! – Вор! Жулик! Мошенник! (ит.)

¹⁷ Ingannatore! – Мерзавец! (ит.)

¹⁸ Long live Pugowitz! – Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! (англ.)

Артур (в отчаянии). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Же ву деманд эн пе, у э-секе ву заве вю эн кафар суль? Полис! Полис! О скур!..¹⁹

Проститутка-красавица. Мансонж!²⁰ Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

Итальянец-матрос (схватывает Артура за глотку, кричит). А, мармалья!!²¹

Итальянцы (кричат). Каналья!!

Артур (томно). Убивают...

Боцман-англичанин (итальянцу). Стоп! Кип бэк!²² (Схватывает итальянца.)

Фигура. Дай ему по уху!

Проститутка-красавица (англичанину). А, так вы заступаться?

Англичанин ударяет итальянца, тот падает.

Проститутка-красавица. О, сокcorso, брателли!²³ Бейте, братишки, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи.

При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны. Мальчишка-грек, танцующий на стене, кричит: «Англичанов резут!!» Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами.

Чарнота у кассы, схватывается за голову. Сон вдруг разваливается.

Тьма... Настает тишина, и течет новый сон...

СОН ШЕСТОЙ

...Разлука ты, разлука!..

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды Каменная скамья у калитки. Повыше дома – кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени. Тихо.

Чарнота (входит во двор). Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно. Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй!

Дверь на галерейку открывается, и выходит Люська. Одета неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.

Люська. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсенька!

Люська. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно, ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю

¹⁹ Police! Police! Au secours! – Полиция! Полиция! На помощь! (фр.)

²⁰ Mensonge! – Ложь! (фр.)

²¹ Ah, marmaglia!! – Жулье!! (ит.)

²² Stop! Keep back! – Стой! Назад! (англ.)

²³ A soccorso, fratelli! – На помощь, братишки! (ит.)

понимать, в чем дело. Пожалуйста деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.

Чарнота. А где Серафима?

Люська. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсенька.

Люська. Неужели? Где газыри?

Чарнота. Я, Люси, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

Люська. Украли?

Чарнота. Угу...

Люська. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Чарнота (слабей). При чем тут человек с черной бородой?

Люська. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран Базаре. Так честное слово – украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Чарнота. Кто?

Люська. Последний подлец!

Чарнота. Как ты смеешь?

Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

Люська. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги!

Чарнота. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Люська. У мужа – от торговли чертями, а у жены от торговли совсем другими вещами!

Чарнота. Что ты сказала?

Люська. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (Закусила удила.) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.

Серафима. Люся!

Люська. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

Серафима. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

Серафима. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Люська. Пожалуйста, без благородства!

Серафима. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Люська. Выяснить тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (Загорается вновь.) Нет, я не могу успокоиться! Это он довел меня до белого каления! (Чарноте,) Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

Люська. Ах ты!..

Чарнота. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!

Серафима. Люся, брось, брось... Ну, брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит.

Люська. Лирика!

Чарнота (внезапно, Люське). Ты была с французом?

Люська. Поди ты к черту от меня!

Серафима. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

Серафима. И я не евши сидеть не буду и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть здесь – это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму, вместе и действовать будем!

Люська. Чарнота продаст револьвер.

Чарнота. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Люська. Он тебе голову заменяет. Ну, и питайся на женский счет!

Чарнота. Ты не искушай меня!

Люська. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

Серафима. Перестаньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю, будет ужин! Это вы с голоду!

Люська. Что ты там затеваешь, дура?

Серафима. Ничего я не дура, а была действительно душой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! (Уходит на галерейку, потом возвращается в шляпе и выходит из двора.) Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка заиграла «Разлуку».

Люська. Симка! Симка!

Чарнота. Сима!

Молчание.

Люська. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты!..

Чарнота. Замолчи.

Люська. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертовы! (Уходит в галерею.)

Чарнота (один). В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурки.) До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с нею, наши русские лучше, определенно лучше. (Зажигает окурки и уходит в галерею.)

Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марши.

(Кричит с галереи.) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

Голубков. Что? Гри... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

Чарнота. Кто такой? Ты, приват-доцент?

Голубков (садится на край водоема, в волнении). Нашел.

Чарнота (сбегает к нему). Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка принял. Здравствуй! (Целует Голубкова.) На что ты похож! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропадал полгода?

Голубков. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Чарнота. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут. Но с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ишу. Говори сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

Чарнота. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Голубков. Нашел! (Обнимает Чарноту.)

Чарнота. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Голубков. А где ж она, где Серафима?

Чарнота. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?!

Чарнота. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Голубков. Как так пошла на Перу? Ты лжешь!

Чарнота. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а за ней – грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.

Серафима. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем на бивуаках...

Грек-донжуан (с сильным акцентом). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

Серафима. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Грек-донжуан. Очень, очень приятно!

Серафима (узнав Голубкова). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к греку и дает ему в ухо. Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы.

Люська выходит на галерею.

Грек-донжуан. Что это? Такое что?..

Серафима. Боже мой!.. Позор, позор!

Чарнота. Господин грек!

Грек-донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! (Печален.)

Серафима. Простите меня, мсье, простите, ради бога! Это ужас, это недоразумение...

Чарнота (берясь за револьвер, оборачивается к окнам). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Грек-донжуан (госкливо). Ой, боже...

Голубков (двинулся к нему). Вы...

Грек-донжуан (вынув бумажник и часы). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая, у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, славь бога всемогущего...

Голубков. Вон отсюда!

Грек-донжуан. Ах, Стамбул, какой стал!..

Голубков. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

Люська. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы находитесь вон там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Голубков. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

Серафима. Кто вам дал право упрекать меня?

Голубков. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

Серафима. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Голубков. Не уходите, умоляю!

Серафима. Ни за что не вернусь! (Уходит.)

Голубков. Ах, так! (Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.)

Чарнота (обхватив его, отнимает кинжал). Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Голубков. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! (Садится на край водоема.)

Люська. Вот представление так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Голубков. Не дам прикоснуться к сверткам!

Чарнота. Нет, не открою.

Люська. Ах, вот что! Ну, терпение мое кончилось. Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно. (Берет в галерее шляпу, какой-то сверток, выходит.) Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была дура, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Чарнота. Куда ты?

Люська. В Париж! В Париж! Прощайте! (Исчезает в переулке.)

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат.

Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!» За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Постарел и поседел.

Чарнота. Вот и Роман. И он появился. Ты что, смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Хлудов. Да уж вижу. Ну, здравствуй, Григорий Лукьянович. Да, вот так все и ходим один по следам другого. (Указывает на Голубкова.) То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. (Голубкову.) Ну что, и тут безрезультатно?

Голубков. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Хлудов. Я тебя и не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только – нашел?

Голубков. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

Хлудов. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Голубков. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Хлудов. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Голубков. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Хлудов. Что же? Долго я должен ее караулить?

Голубков. Я скоро вернусь, и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Хлудов. Дорого мне обошлась эта станция. (Оборачивается.) Нет, нету.

Чарнота (шепотом). Хорош караульщик!

Голубков (шепотом). Не смотри на него, он борется с этим.

Хлудов. Куда же она сейчас пошла?

Чарнота. Это нетрудно угадать. Пошла у грека прощенья вымалывать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Хлудов. Ну, хорошо.

Голубков. Только чтоб не ушла на панель!

Хлудов. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой, мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, господи! (Голубкову.) Денег нет?

Голубков. Не надо денег!

Хлудов. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нету. (Отстегивает медальон от часов.) Возьми медальон, в случае крайности – продашь. (Уходит.)

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина «Ла иль Алла иль Махомет рассуль алла!» ²⁴

Голубков. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сажу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Чарнота. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю, думал – в Мадрид, но Париж – это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Голубков (идет). Никогда нет прохлады, ни днем, ни ночью!

Чарнота (уходит с ним). В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку.

Шарманка играет марш. Голос муэдзина летит с минарета.

Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог. Потом тьма.

Сон кончается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола карточный. На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

Корзухин. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.

Мсье Маршен маве аверти киль не виендра па зожурдюи, не ремюэ па ля табль, же ме сервирэ плю тар.

Молчание.

Репондэ донк кельк шоз!²⁵ Да вы, кажется, ничего не поняли?

Антуан. Так точно, Парамон Ильич, не понял.

Корзухин. Как «так точно» по-французски?

Антуан. Не могу знать, Парамон Ильич.

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то, ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Что вы делаете в настоящую минуту? Ке фет ву а се моман?

Антуан. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как – ножи, Антуан?

Антуан. Ле куто, Парамон Ильич.

²⁴ Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет посланник его!

²⁵ Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard. Repondez-donc quelque chose! – Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же что-нибудь! (фр.)

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(Расстегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. Же сюи а ля мезон.²⁶ (Выходит.)

Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.

Голубков. Же вудрэ парлэ а мсье Корзухин!.²⁷

Антуан. Пожалуйте вашу визитную карточку, вотр карт.

Голубков. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!

Антуан. Так точно, я русский. Я – Грищенко.

Голубков жмет руку Антуану.

Голубков. Дело вот в чем, карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан. Слушаюсь. (Скрывается.)

Корзухин (выходя уже в пиджаке, бормочет). Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

Корзухин. На краю... чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припомню.

Голубков. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться...

Голубков. Но ведь вы – Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

Корзухин. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда уже уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был, и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Голубков. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь – голубая луна?..

Корзухин. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась разшантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Голубков. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы – богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне займы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

Корзухин. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической

²⁶ Je suis a la maison. – Я – дома (фр.)

²⁷ Je voudrais parler a monsieur... – Я хотел бы поговорить с мсье... (фр.)

жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Тысячу. Клянусь вам, я верну ее!

Корзухин. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. (Начинает балладу о долларе и вдохновляется.) Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Смотрите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка – химера! Он и там! Химера его стережет. (Указывает таинственно в пол.) Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелою летят поезда, в них доллар! Теперь закройте глаза и вообразите – мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода – океан! Он страшен, он сожрет! Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжело, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце – доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара!

(Утихает.)

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

Голубков. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте. (Хочет уйти.)

Звонок. Антуан входит.

Антуан. Женераль Чарнота.

Корзухин. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.

Чарнота. Здорово, Парамоша!

Корзухин. Мы с вами разве встречались?

Чарнота. Ну, вот вопрос! Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь?

Корзухин. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припомню... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон! Пардон!

Чарнота (тихо Голубкову). Дал?

Голубков. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же это мы теперь пойдем? (Корзухину.) Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобой, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Голубков. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам

записался, только чтоб тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю, и очень люблю.

Чарнота. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

Корзухин. Представь, в девятку, и очень люблю.

Чарнота. Так сыграем со мной.

Корзухин. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Голубков. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Чарнота. Никакого унижения нет в этом. (Шепотом.) Тебе что сказано? В крайнем случае? Крайнее этого случая не будет. Давай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я ухожу.

Чарнота. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. (Протягивает медальон Корзухину.) Сколько?

Корзухин. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло! (Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.) Как раба твоего зовут?

Корзухин. Гм... Антуан.

Чарнота (зычно). Антуан!

Антуан появляется.

Принеси мне, голубчик, закусить.

Антуан (удивленно, но почтительно улыбнувшись). Слушаю-с... А лэнстан!²⁸
(Исчезает.)

Чарнота. На сколько?

Корзухин. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

Чарнота. Девять.

Корзухин (платит). Попрошу на квит.

Чарнота (мечет). Девять.

Корзухин. Еще раз квит.

Чарнота. Карту желаете?

Корзухин. Да. Семь.

Чарнота. А у меня восемь.

Корзухин (улыбнувшись). Ну, так и быть, на квит.

Голубков (внезапно). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

Голубков. Я не умею.

Чарнота. Так не засти мне свет! Карту?

Корзухин. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!

Чарнота. У меня три очка.

Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?

Чарнота. Иногда, как когда...

Антуан вносит закуску.

(Выпив.) Голубков, рюмку?

Голубков. Я не желаю.

Чарнота. А ты, Парамон, что же?

Корзухин. Мерси, я уже завтракал.

Чарнота. Ага... Угодно карточку?

²⁸ А l'instant! – Сию минуту! (фр.)

Корзухин. Да. Сто шестьдесят долларов.

Чарнота. Идет. Графиня, ценой одного рандеву... Девять.

Корзухин. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!

Чарнота. Попрошу прислать наличные.

Голубков. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!

Чарнота. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. (Корзухину.) Наличные, пожалуйста!

Корзухин. Сейчас. (Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду послышались звонки.)

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.

Голубков. Что это такое?

Корзухин. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

Чарнота. Очень хорошая вещь. Пошло! Восемь!

Корзухин. Идет шестьсот сорок долларов?

Чарнота. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.

Корзухин. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Чарнота. Пятьдесят.

Корзухин. Пошло! Девять!

Чарнота. У меня жир.

Корзухин. Пришлите.

Чарнота. Пожалуйста.

Корзухин. Пятьсот девяносто!

Чарнота. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Голубков. Чарнота, умоляю, уйдем!

Корзухин. Карту! У меня семь!

Чарнота. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет.

И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без тиджака, волосы его всклокочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой – груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

Чарнота (напеваает). Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты... Жир.

Корзухин. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Чарнота. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой.

Потом свет. В Париже – синий рассвет. Тихо.

Никакой музыки не слышно. Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского. Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

Чарнота (Корзухииу). Нет ли у тебя газеты завернуть?

Корзухин. Нету. Знаете что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

Чарнота. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

Голубков. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

Корзухин. Триста долларов!

Голубков. На! (Швыряет деньги.)

Корзухин в ответ швыряет медальон.

Чарнота. Ну, до свиданья, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

Корзухин (загораживая дверь). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов

отступного!

Чарнота. «Ты шутишь», – зверь вскричал коварный!..

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Чарнота. Ты слышал? (Вынимает револьвер.) Ну, Парамон, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевают.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно, как вы сюда добрались?

Чарнота (поражен). Это она?

Корзухин (Чарноте). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

Чарнота. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Чарнота. Генерал Чарнота.

Люська. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (Корзухину). Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Голубков. Это неслыханная подлость!

Люська. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

Корзухин. Где Антуан покупал карты?!

Антуан. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Люська. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

Антуан скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет.

(Корзухину.) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

Корзухин. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! (Всхлипнув, уходит.)

Люська. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (Шепотом.) Выиграли – и уносите ноги!

(Громко.) Антуан!

Антуан выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

Чарнота. О ревуар,²⁹ мадемуазель.

Люська. Адье!³⁰

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе господи, унесло их! Боже мой! Когда же я, наконец, отдохну!

В пустынной улице послышались шаги.

(Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит). Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

²⁹ Au revoir – до свиданья (фр.)

³⁰ Adieu! – Прощайте! (фр.)

Тьма. Сон кончился.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Константинополь. Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане – сплошная стеклянная стена и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорает константинопольский минарет, лавры и вертушка тараканьего царя. Садится осеннее солнце. Закат, закат...

Хлудов (один в комнате, сидит на полу, на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то). Ты достаточно измучил меня, но наступило просветление. Да, просветление. Пойми, я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба с той ночи завязала их в один узел со мной. Мы выбросились вместе через звенящие мглы, и их теперь не отделить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты? Как ты отделился один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас много было! (Бормочет.) Ну, помяни, помяни, помяни, господи... а мы не будем вспоминать. (Думает, стареет, поникает.) На чем мы остановились? Да, итак, все это я сделал зря. (Думает.) А потом что было? Потом – просто мгла, и мы благополучно ушли. А потом зной, и все вертятся карусели каждый день, каждый день. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот меня поймал в мешок, как в невод? Не мучь же более меня! Пойми, что я решился. Клянусь. Вот.

Стук в дверь.

(Настороженно.) Кто там?

Серафима (за дверью). Это я.

Хлудов открывает дверь.

Можно войти? Простите.

Хлудов. Пожалуйста.

Серафима. Что, Роман Валерьянович, опять?

Хлудов. Что такое?

Серафима. С кем вы говорили? Что я вам велела? Кто в комнате кроме вас?

Хлудов. Никого нет. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собою. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

Серафима (садится на ковер против Хлудова). Роман Валерьянович, вы тяжело больны. (Пауза.) Роман Валерьянович, вы слышите, вы тяжело больны. Два месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, что легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Боже мой, бедный, бедный человек.

Хлудов. Прошу извиненья. Я достану вам другую комнату, но в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором. Я часы продал, есть деньги. Светло в ней, и окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите – чепуха. Разгром. Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? Вы знаете? (Таинственно указывает за плечо.) Мы-то с ним знаем! Мне самому неудобно с вами рядом. Но я должен держать слово. Я там, оказывается, всякие преступления совершал, и вообще...

Серафима. Роман Валерьянович! Дорогой!.. Вы помните тот день, когда уехал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули. Помните?

Хлудов. Прошу извинения. Когда человек с ума сходит, я должен применять силу. Все вы ненормальные.

Серафима. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, стало жаль, и из-за этого я вернулась. Неужели же вы думаете, что я стала бы вас обременять?

Хлудов. Мне няньки не нужны.

Серафима. Перестаньте раздражаться. Вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Да, верно, верно. Я больше никому не могу причинить вреда... А помните, ночь, ставка... Хлудов – зверюга, Хлудов – шакал?

Серафима. Все прошло! Забудьте. И я забыла, и вы не вспоминайте.

Хлудов (бормочет). Да и в самом деле... помяни, господи, а мы не будем вспоминать...

Серафима. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала, надо же на что-нибудь решаться. Скажите, до каких пор мы будем с вами этак сидеть?

Хлудов. А вот вернется Голубков, и сразу клубочек разматается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И конечно!.. Душный город!

Серафима. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую! Это Люська, Люська виновата, я обезумела от ее упреков! А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверное, пропал в скитаньях, а может быть, и умер!

Хлудов. Душный город! Тараканьи бега! Позорище русское! Все на меня валят, будто я ненормальный! А зачем вы его отпустили? При чем тут я? В конце концов, он взрослый. Деньги там какие-то у этого, у вашего мужа?

Серафима. Нет у меня никакого мужа. Забыла его и проклинаяю.

Хлудов. Я его в руках держал и выпустил. Ну, словом, что же делать теперь?

Серафима. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила, вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Я не могу здесь больше жить! Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Хлудов. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

Серафима. Одно только я еще не знаю, одно меня только держит. Это – что будет с вами?

Хлудов (таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо). Сейчас у меня был военный совет, только вы молчите... Вам-то ничего, а за мной врангелевская разведка по пятам ходит, у них нюх... (Шепотом.) Я тоже поеду...

Серафима. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Хлудов. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

Серафима. Безумный человек! Вы подумали о том, что вас сейчас же расстреляют!

Хлудов. Моментально! Мгновенно! А? Ситцевая рубашка, подвал, снег, готово! (Оборачивается.) И тает мое бремя... Смотрите, он ушел и стал вдали.

Серафима. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Бедный человек... останьтесь здесь, быть может, вы вылечитесь?

Хлудов. Я совершенно здоров. Теперь мне все ясно. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы, а на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками!

Стук в дверь.

Кто там?

Серафима. Я сейчас, сейчас открою!

Открывает дверь, отшатывается. Входят Голубков и Чарнота. Оба они одеты одинаково в серые приличные костюмы и шляпы. В руках у Чарноты чемоданчик. Все четверо долго молчат.

Чарнота (прерывая паузу). Здравствуйте. Что же вы молчите? Вы телеграмму получили?

Хлудов. Нет.

Чарнота. Сукин город. Здравствуй, Рома.

Хлудов. Вот. Вот они. Приехали. Все как надо. Отлично. Хорошо.

Голубков. Сима!.. Ну что, Сима?.. Здравствуй...

Серафима обнимает Голубкова и плачет беззвучно.

Хлудов (морщась). Пойдем, Чарнота, поговорим.

Уходит с Чарнотой на балкон сквозь стеклянную дверь.

Голубков. Ну, не плачьте, не плачьте же, Серафима Владимировна! Вот я возвратился...

Серафима. Я думала, что вы погибли, и так тосковала! О, если бы вы знали!.., теперь для меня все ясно... Но все-таки я дождалась. Вы теперь никуда, Сережа, не поедете! Мы поедем вместе!

Голубков. Нет, нет, никуда без тебя! Конечно, никуда, ни за что! Все кончено, Сима. Мы сейчас все придумаем. Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Ну, скажи мне хоть слово?

Серафима. Я измучилась, я два месяца не сплю. Как только вы уехали, я опомнилась и не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночи сижу, смотрю в окно, на огни... и мне мерещится, что вы ходите по Парижу оборванные, голодные, босые... Я Хлудова нянчила, он больной... он очень страшный... (Плачет.)

Голубков. Не надо, Симочка, не надо!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне. Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной!.. Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет...

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел. Забудь, не думай больше о нем. Его нет. (Кричит негромко.) Хлудов! Спасибо!

Хлудов (выходит вместе с Чарнотой). Ну вот, все в порядке, а?

Чарнота. Эх, Роман, на что ты похож!

Хлудов. Деньги есть?

Чарнота. Да, деньги есть. Чарнота не нищий больше! Если тебе нужно, могу дать.

Хлудов. Нет, мне не нужно. (Голубкову.) И у тебя есть?

Голубков. Есть.

Хлудов. Так вот, заплатите здесь за квартиру. Ты ее любишь? А? Любишь? Искренний человек? Советую ехать, как она придумала. Теперь прощайте. (Надевает шляпу.)

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Ночью идет пароход с казаками. Может быть, и я поеду с ними. Только молчите.

Голубков. Роман, одумайся, тебе это невозможно!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов (Чарноте). Ну, а ты куда?

Чарнота. Я сюда вернулся, в Константинополь.

Хлудов. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

Чарнота. Я заблуждался. Париж еще хуже. Так, сероватый город... Видел и Афины, и Марсель, но... пошлые города! Да и тут завязались связи, кое-какие знакомства... Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь заселял.

Хлудов. Генерал Чарнота! Поедем со мной! А? Ты – человек смелый...

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах, туда! Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну, так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя не разорвали по дороге. Ты, брат, большую память о себе оставил! Ну, а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут... Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал? Верно. Кто, Ромочка, пошел на Карпову балку? Я! Я, Рома, обозы грабил? Да! Но фонарей у меня в тылу нет! Нет, Роман, от смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду! Дружески говорю, брось! Все кончено. Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!

Хлудов. Ты – проницательный человек, оказывается.

Чарнота. Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются. Зачем я буду портить настроение своим появлением?

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор с гармониками запел: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман! Прощайте все! Развязала ты нас, судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я как Вечный Жид отныне! Летучий Голландец я! Прощайте! (Распахивает дверь на балкон.)

Слышно, как хор поет: «Много разбойники пролили крови честных христиан...»

Вот она, заработала вертушка! Здравствуй вновь, тараканий царь Артур!

Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей рядовой – генерал Чарнота! (Исчезает.)

Голубков. Ну, прощай, Роман Валерьянович.

Серафима. Прощайте. Я буду о вас думать, буду вас вспоминать.

Хлудов. Нет, ни в коем случае не делайте этого.

Голубков. Ах да, Роман, медальон... (Подает Хлудову медальон.)

Хлудов (Серафиме). Возьмите его на память. Возьмите, говорю.

Серафима (берет медальон, обнимает Хлудова). Прощайте.

Уходит вместе с Голубковым.

Хлудов (один). Избавился. Один. И очень хорошо. (Оборачивается, говорит кому-то.) Сейчас, сейчас... (Пишет на бумаге несколько слов, кладет ее на стол, указывает на бумагу пальцем.) Так? (Радостно.) Ушел! Бледнеет. Исчез! (Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль.)

Хор поет: «Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим...»

Поганое царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!..

Вынимает револьвер из кармана и несколько раз стреляет по тому направлению, откуда доносится хор. Гармоники, рывкнув, умолкают. Хор прекратился. Послышались дальние крики. Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола. Темно.